

УДК 130.2

Мифы, мифологемы и идеология как инструменты влияния на социальную действительность в условиях информационной войны

Пилюгина Елена Владимировна

Кандидат философских наук,
директор Территориального центра Российского нового университета,
105005, Российская Федерация, Москва, ул. Радио, 22;
e-mail: elenavpilugina@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется феномен панмифологизации реальности в современном обществе постмодерна. Неомифология постмодерна сопоставляется с культурно-историческими мифами традиционного общества и идеологией модерна, выявляется общее и особенное. Обосновывается обозначение современных мифов как мифологем – искусственно созданных фрагментарных, рационализированных образов реальности, паразитирующих на травматических исторических событиях, слабо коррелированных с конкретной социальной действительностью, но при этом способных активировать деструктивные социальные ситуации. В контексте демаркации традиционных мифов, идеологий и современных мифологем анализируются точки нестабильности мирового социально-культурного пространства как сингулярные основания текущей информационной войны. В горизонте информационной войны исследуются оппозиции мифологем, с одной стороны, и метанарративов в виде идеологий и традиционных культурно-исторических мифов, с другой, обеспечивающие ментальное и социальное противостояние тяготеющих к тому или иному восприятию реальности сообществ. Выявляется вирус-

ный характер и условия распространения мифологем: относительно комфортная, но латентно нестабильная социальная среда с маргинальным мышлением и дивергентными ценностными установками. Обосновывается, что процесс втягивания в пространство постмодерна происходит неравномерно, через наложение и конвергенцию мифологемного восприятия реальности, мифического и идеологического.

Для цитирования в научных исследованиях

Пилюгина Е.В. Мифы, мифологемы и идеология как инструменты влияния на социальную действительность в условиях информационной войны // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2015. № 6. С. 166-182.

Ключевые слова

Мифологема, миф, идеология, панмифологизация реальности, неомифология постмодерна, модерн, традиционное общество, информационная война.

Введение

Культурное пространство современной социальной действительности – общества постмодерна – выглядит как конденсат самых разнообразных идей, мифов, мифологем. Панмифологизация реальности охватила даже традиционно тяготеющий к рационализму и прагматизму Запад¹. Более того, рассадником современных мифов выступает именно западная цивилизация, впадая в состояние, которое социальные аналитики уже окрестили «Новым Средневековьем» [Эко, 1994; Bauman, 2000; Казин, 2013, www]. Процесс неомифологизации эпидемически расширяется, захватывая все большее, уже и не только западное, пространство; современные мифы разрастаются, подобно рако-

1 Французский философ-постмодернист Л.Ж. Нанси высказывает обоснованное предположение: «Не исключено, что идея мифа представляет собой саму Идею Запада в её постоянных репрезентациях и в порыве погружения в свои собственные истоки с целью перевоплощения в саму судьбу человечества» [Нанси, 2009, 93].

вым клеткам подчиняя себе жизнедеятельность всего и всякого социального организма. Вступая в противоречия друг с другом и с «внешним миром», они становятся питательной средой социальных конфликтов (этнических, межгосударственных, геополитических, трансэкономических), стимулируя уже идущую глобальную информационную войну. Через гипертрофию виртуального, реабилитацию мистического, метафизического измерений бытия происходит «трансмутация реальности» [Некlessа, 2012]: реальность переформатируется, а то и вовсе размывается, растворяясь в лавине мифов.

Важно подчеркнуть, что современные мифы и текущая информационная война (выливающаяся на практике в *сеть* взаимосвязанных локальных «гибридных» войн) существенно отличаются от предыдущих (допостмодерновых) мифологических и идейных противостояний. Дистанцируя современные мифы от мифов традиционного общества, считаю обоснованным введение термина «мифологема», как нельзя более подходящего для концептуального оформления подчеркнуто фрагментарных *рационализированных образов* реальности, заполнивших сегодняшнее информационное пространство. Чтобы прояснить специфику новых мифов (мифологем), тем самым определив точки нестабильности – сингулярные основания текущей информационной войны и всего постмодернового мира, необходимо сравнить их как с мифами традиционного общества, так и с идеологией общества модерна, выявить общее и особенное.

Мифологемы постмодерна versus мифы традиционного общества и идеологии модерна

Первыми обратили внимание на имеющий место в современности процесс распространения «нового мифологического мировоззрения» философы постмодернистской французской волны в лице Р.Барта, Ж.Батая, Ж.Бодрийяра, Ж.Делеза, Л.-Ж. Нанси. Так, Ж.Бодрийяр актуализировал проблематику и специфику информационной войны [Бодрийяр, 1994, 33-36]. Р.Барт, одним из первых задавшись вопросом «Что такое миф в наше время?», смог определить точки соприкосновения традиционных и современных мифов, указав, что

всякий миф – это способ означивания мира [Барт, 2000, 71], определенная семиологическая система [там же, 73], словесная *форма*, в которую реальность вливается, застывая, как желе; миф не отражает реальность, а *выражает* ее, и одновременно выражает «рассказчика» (индивида или социум) как определенную систему взаимосвязанных нарративов, поэтому миф – это всегда история, связанная с драматическими, травматическими событиями в жизни человека или народа. Миф – «кривое зеркало» реальности; искажая, деформируя реальность, миф тем самым оправдывает самое себя, то есть приобретает собственную значимость, определяемую не в категориях истины, а в категориях пользы; поэтому миф бесполезно оспаривать, можно только оценивать результаты его влияния, потому что миф имеет императивный, побудительный характер, основан на внушении и должен производить непосредственный эмоциональный эффект [там же, 85-96].

Но, выявив ключевые характеристики всякой мифологизированной действительности, Р.Барт оставил за пределами своих исследований вопрос о самом феномене современной неомифологизации, лишь обратив внимание на то, что «более внимательное чтение мифа никоим образом не увеличит и не ослабит силу его воздействия... ни время, *ни наши знания* (курсив мой – П.Е.) не способны что-либо прибавить или убавить» к мифу [там же, 96]. Это важный момент, свидетельствующий, что информированность, интеллект или образование человека вовсе не являются защитой от посягательств мифа на контроль над сознанием: сегодня люди в массе своей не менее падки на устойчивые, эмоционально подкрепленные, шаблонные высказывания, на яркие образные модификации реальности («истории»), чем в эпоху инквизиции или в 1917 году в полуграмотной Российской империи. Но в таком случае возникает вопрос, почему же предшествующий модерновый мир (индустриальное общество Нового времени) счастливо избежал всеобщей мифологизации, напротив, всемерно и небезуспешно ограничивая мифы сферой донаучного («нецивилизованного», религиозно-мистического) знания и бытия. Другое дело, что модерновый мир конституировался в противостоянии идей и их систем (идеологий): идеологии Запада в широком, культурологическом, смысле (предполагающей деятельностное отношение к природной среде, естественнонаучное и промышленное

развитие, индивидуализм, активную личностную позицию, в том числе в политической жизни) в противостоянии незападному миру; идеологии Запада в частном (геополитическом) смысле как, прежде всего, западноевропейского блока стран во главе с США (включающей свободный рынок, частную собственность, либеральную демократию) в противостоянии марксистской («коммунистической») идеологии второго блока во главе с Советским Союзом и т. д. Но, очевидно, что идеология так же отличается от мифологии, как идея от образа. Р.Барт, сознательно или нет, не выявляет линии демаркации мифологии и идеологии, современных мифов и традиционных, просто постулируя, что «наше общество является привилегированной областью существования мифических значений» [там же, 105]. Вероятно, поэтому отдельные черты современного мифологизированного мировоззрения приписываются им всякой мифологизированной реальности, что вряд ли оправданно.

Предпосылки и причины актуализации мифологий в современности анализировал Л.Ж. Нанси [Нанси, 2009: 113-116], отмечая, что сегодняшняя увлеченность мифами обеспечивается социальной разорванностью и сингулярностью. На то, что «магические типы поведения» вызваны «слепым страхом, замороженностью перед лицом разорванного социального мира», в результате чего человек «зарывается в зыбучий песок» слов – «дурманящих знаков», указывали также и Р.Барт [Барт, 2000, 130], и Ж.Батай [Батай, 1997, 35-36]. Чем больше ощущение разорванности, распада, одиночества, тем больше жажда мифов, так как «нам нужно зримое прошлое, зримый миф, который бы утешал нас относительно нашего конца» [Бодрийяр, 1981, 27]. Отсюда же распространение в новейшее время различных неорелигиозных систем, реанимация мистически-религиозного сознания в целом.

На это также обращал внимание Ж.Делез, утверждая, что современный метанестабильный сингулярный мир производит «блуждающие», «плавающие» значения, легко приобретающие форму «фантазмов», которые по сути «ни действие, ни страдание, а результат действий и страданий», то есть «чистое» (виртуальное) событие, воплощающееся в виде определенных высказываний, передающих в образах глубинные бессознательные и подсознательные переживания [Делез, 1998, 143-144, 274]. Поэтому бессмысленно рассуждать,

реальны ли собственно события, о которых повествует тот или иной миф: смысл события в эффекте, а не в корреляции с реальностью, и миф «конвертирует свой собственный вымысел в основании и установлении самого смысла» [Нанси, 2009, 105]. В результате возникает феномен симуляции смысла – и симуляции реальности, якобы породившей тот или иной смысл. Как отмечает Ж.Бодрийяр, «речь идет о субституции, подмене реального знаками реального, то есть об операции по *dissuasion*» [Бодрийяр, 1981, 23] (что можно перевести как «разубеждение», «разуверение» и, одновременно, «устрашение», «отпугивание», а также «сдерживание», «удержание» и «безОбразность»): современные мифы, в отличие от идеологии, не апеллируют к Логосу, но и уже не столько апеллируют к чувственным образам, сколько к другим мифам, которые, на самом деле, предстают ремейками или сериями некоего исходного мифа как выдуманной, искусственной псевдореальности.

Таким образом, отныне миф оправдывается самим собой; смысл мифа – в самом мифе. Это отличает современный миф от традиционных мифов, которые всегда были коррелированы с действительностью и оправдывались этой самой корреляцией: эффект традиционного мифа состоял в том, чтобы приспособиться к действительности, поэтому, как отмечает Нанси, даже у древних греков с их рационализацией реальности *logos* и *muthos* суть одно и то же [Нанси, 2009, 96], или, по крайней мере, находятся в гармонии в силу еще недостаточного развития Логоса. Современные мифы – результат гипертрофированного, доведенного до абсолюта Логоса, превратившегося в «чистое» высказывание, «идеальное событие», принадлежащее исключительно пространству языка. Поэтому собственно мифическое и логическое в таком мифе оказываются сначала в конфронтации, а затем в реверсии: опирающиеся на эмоциональный опыт «рассказываемые» истории обосновываются логически, а затем логически обоснованные версии находят «подтверждение» в эмоциональном (историческом) опыте. Непрерывная реверсия логического и мифического в современном мифе приводит к тому, что история то и дело переписывается, причем предыдущие истории не отвергаются окончательно, вытесняясь в резервуар «общественного подсознания». В результате миф теряет изначальную эмоциональную однородность и логическую последовательность, распадаясь

на мифологемы – отдельные фрагменты-пазлы неомифической реальности, включающее все варианты восприятия как ремиксы изначальной «истории».

Но миф по сути не может быть полилогичен – полилогичной может выглядеть (представляться) социальная реальность; миф же стремится к однородности восприятия, ведь только таким образом можно диктовать волю сознанию. Миф – не рефлексия, а императив. Поэтому предыдущие «серии» – истории берутся фрагментарно, склеиваясь в той последовательности, которая необходима в данный момент: реальность мифа сворачивается в «ленту Мебиуса», где *logos* и *muthos* уже не противостоят семантически друг другу, а плавно переходят друг в друга, становясь, то «изнанкой», то «лицом» реальности мифа – единственной отныне доступной реальности.

Сопоставляя современные мифологемы, мифы прошлого и идеологию, важно обратить внимание на следующее. Традиционный миф – иерархическая система образов; связан с действительностью, природной или исторической, хотя, конечно, отражает не столько непосредственно саму действительность, сколько отношение к ней, переживание. Традиционные мифы свидетельствовали о подчинении человека (общества, культуры) природе, но это и попытка ограничить влияние природного социальными рамками. В психосоматическом аспекте мифы – выражение подсознания, как индивидуального (пока еще растворенного в социальном), так и коллективного подсознания (архетипов), ориентированы в прошлое, тяготеют к корням, основаны на естественных эмоциях и инстинктах. Мифы сочиняют все и никто, как сказки и поговорки (собственно, сказки и есть некоторые сформулированные мифы). Мифы можно сравнивать по их значению в истории и культуре как отдельных народов, так и мирового сообщества в целом (мифы об умирающем и воскресающем боге, апокалиптические мифы, и т.д.).

Идеология – иерархическая система идей. Идеология связана исключительно с социальной реальностью, причем не столько с прошлым, сколько с настоящим и будущим, ориентирована в будущее. В социальном смысле идеология – показатель влияния общества на индивида, но это и попытка преодолеть это влияние; поэтому она возникает в современном обществе с его установками на индивидуальность и личностное восприятие реальности. В самом

крайнем своем варианте это выражение массового общества; но ведь само массовое общество сформировалось в результате выхода на авансцену истории широких масс *индивидов*, получения ими доступа к образованию/власти. Идеология – рационализация социального и, вообще, рационализация реальности. Здесь нет места эмоциям (или, по крайней мере, есть стремление свести эмоции к минимуму): «только бизнес (рынок)», или идеи «социального равенства», или даже «великой нации» – не важно, какие идеи становятся ключевыми для масс, важно, что посредством целенаправленного освоения этих идей *массы* реализуют стремление влиять на реальность. То есть идеи в Новое время внедряет само общество, отдельные его пассионарные представители – лишь выразители этих идей; отсюда – вера в объективность законов истории/законов общества. Идеология распространяется только в готовом принять те или иные идеи обществе, то есть всегда имманентна социальной реальности. (Именно поэтому марксизм стал социально-политической идеологией не столько Европы, сколько постимперской России с ее общинной психологией). Идеологии сравниваются по результативности, то есть способности охватить как можно большее социальное пространство и стать двигателями социального развития. Идеология – производное социальной реальности, но и стремление покорить реальность, оформить, упорядочить, ограничив ее влияние с помощью разума.

Мифологема – фрагмент ризоморфной неиерархической социальной реальности постмодерна, полиморфной, полилогичной, подчеркнута неструктурированной и неупорядоченной. На фрагментарность, «пазловый» характер мифологем указывает американский исследователь Дж. Холис [Hollis, 2004]. Мифологема распространяются в обществе «радикального плюрализма», где «все возможно» и «все не достоверно» одновременно, в мире непредсказуемом и еще более динамичном, чем мир модерна. И если Новое время, разувверившись в аксиоматичности Бога, нашло альтернативу в самом человеческом разуме как трансцендентном основании личностного и социального бытия, то в новейшую эпоху человек утратил все априорные установки и трансцендентные идеи (метанарративы), оказавшись один на один с хаосом и сингулярностью мира. Более того, борьба с любыми метанарративами и трансгрессия

как преодоление всяческих границ (идейных, социальных, психофизиологических) были провозглашены принципами современного социального бытия. Потому что выжить в мире, понятом как хаос, можно только, словами Ж.Делеза, «впустив немного вольного и ветреного хаоса в себя» [Делез, 2004, 371]. Эта борьба-игра с хаосом с помощью гомеопатических доз самого хаоса и выливается в конструирование и распространение мифологем в духе так популярных ныне в некоторых политических кругах теорий «управляемого хаоса». Фактически мифологема – это искусственно сконструированный фрагмент мифа, созданный определенными социальными силами или даже лицами ради определенных социальных целей. Это не значит, что она не опирается на какую-либо значимую историю; это значит, что мифологема создает ремейк истории, этакий голливудский образ, выдавая его за реальную историю. Перефразируя Р.Барта, в современном мире проделывается фокус: реальность опрокидывают, вытряхивают из нее историю и заполняют... нет, уже не природой, как ранее по Барту, а той же историей, но разорванной, расколотой и фрагментированной. В результате вместо целостной картины мира мы получаем мозаичную, пазловую, в которой отдельные фрагменты-пазлы могут легко и произвольно заменяться другими, лишь похожими *по форме, образу*.

Разумеется, при этом должны соблюдаться два условия. Внедрение мифологем возможно лишь в подготовленное общество: достаточно комфортную материально и социально среду с «клиповым» мышлением (так как в столкновениях с реальными социальными трудностями мифологема просто рассыпаются, а здоровой рациональной культурой воспринимаются как девиация); реинжиниринг мифологем должны осуществлять силы, в некотором роде, находящиеся *над* обществом (иначе «инженеры» мифологем сами могут оказаться в опасности заражения изобретенным вирусом). И если первое условие соблюдается по мере реального вовлечения в естественный процесс глобализации (через мировую экономику, геополитику, глобальные информационные сети, Интернет) все большего количества народов и государств, то для реализации второго условия, как представляется, необходим выход за пределы планетарного пространства. В противном случае социальные силы и элиты, заинтересованные во внедрении в то или иное общество тех или иных мифо-

логем, сохраняя при этом связи с определенной этнической (государственной, языковой и т. д.) средой, то есть являясь носителями определенных нарративов этой среды, не будут в достаточной мере *космополитичными*, чтобы контролировать процесс производства и распространения вбрасываемых информационных вирусов извне. И тогда созданный информационный голем может вырваться из слабых рук создателей, а «управляемый хаос» легко превратится в неуправляемый (что мы и наблюдаем сегодня в разворачивающихся на глазах, пока локальных, «горячих» конфликтах).

В отличие от рационализированной идеологии и мистифицированной (сублимирующей) мифологии неомифология современности предстает как попытка рационализации подсознания, в результате чего живые эмоции заменяются их суррогатами. Различные используемые в психологии и социологии нарративные практики, практики «управляемого хаоса» и «цветных революций» в политике и экономике – гомогенные модифицированные современным обществом заменители реальной действенной социальной и психической энергии, жизни.

На выходе вместо целостного многообразия получаем размноженную однородность – самоподобное, бесконечно производящее самое себя общество, социальный фрактал. Так произошло с идеей демократии, превратившейся в едва ли не ключевую мифологему нашего времени, и особенно западного сообщества: все многообразие демократических систем и принципов было сведено к либеральной представительной (парламентской) демократии англосаксонского типа, бесконечно производимой и внедряемой во всех уголках земного шара как идеальной *формы* («делового костюма» «цивилизации»), несмотря на явное не созвучие и даже противоречие конкретным обществам, их истории и культуре.

С традиционными мифами и идеологиями современные мифологемы не сравнимы – ни по результативности, ни по охвату масс, ни по влиянию в обществах, так как не имеют прямого отношения к исторической реальности. При этом мифологемы сами способны серьезно повлиять на социальную действительность – методом деконструкции. Если традиционные мифы позитивны в плане консолидации эмоционального настроения общества, если идеологии

позитивны в плане консолидации социального сознания, рационального настроения общества, то мифологемы разрушительны: в эмоциональном плане в мифологемах культивируются самые опасные асоциальные, агрессивные и регрессивные психические состояния; в рациональном плане – пропагандируются бездоказательные, даже абсурдные, явно не свидетельствующие ни об интеллекте, ни об образованности, заявления.

Мифологемы подобны вирусам; легко распространяются в обществе с ослабленным иммунитетом, пораженном различными социальными «болезнями» (коррупция, социальная апатия и депрессия, социопатия). Главная задача мифологем – не консолидация, а дестабилизация обществ. Только общества с сильным иммунитетом в виде устойчивых традиционных мифов или сложившихся идеологий могут противостоять мифологемам. Мифологемы не воюют с реальностью – они ее просто игнорируют, создавая взамен собственную виртуальную реальность; мифологемы не воюют между собой – как параллельные миры, как вирусы, поражающие различные органы одного социального организма, вполне способны уживаться друг с другом, даже не перекрещиваясь в социальной действительности. Главная опасность для мифологем – это сплачивающие общество устойчивые метанарративы, в качестве которых выступают традиционные (культурно-исторические) мифы и массовые (религиозные, социально-политические) идеологии.

Таким образом, сегодняшняя третья мировая (информационная) война идет между, с одной стороны, мифологемами и переформатированными ими обществами и, с другой, между все еще (хотя бы частично) тяготеющими к допостмодерновым формам мировоззрения культурами и народами. Так, одно из ключевых противостояний сегодняшнего мира – между зараженным мифологемами Западом и идеологизированными Китаем (социально-политическая идеология), арабским миром (религиозная идеология). Информационное противостояние между Россией и Западом имеет несколько иной ракурс: вследствие утратившей актуальность в 90-е годы прошлого столетия некогда действенной социально-политической советской идеологии, сегодняшняя Россия уже не может (или пока не может) использовать эффективный идеологический инструментарий в борьбе с вирусом мифологем. В то же время в истории Рос-

сии было достаточно травматических событий, имевших конечный положительный в культурно-историческом плане эффект: победы в Отечественных войнах, преодоление экономических трудностей в годы индустриализации и постперестроечное время и т. д. А именно такого рода события производят важные мифы как культурно-исторические аттракторы общества, структурные элементы единой ментальной системы. Осознавая (или, может, интуитивно чувствуя) это, сегодняшняя российская политическая элита в противостоянии с мифологемным Западом (и, прежде всего, с США, которые Жан Бодрийяр метко окрестил «быстрозамороженной» версией, «дайджестом» западной цивилизации [Бодрийяр, 1981, 26]) акцентирует и поддерживает значимые мифы, связанные с ключевыми событиями российской истории (например, победа в Великой Отечественной войне), а также реанимирует некогда исключенные из мейнстрима мифы (к таковым можно, на мой взгляд, отнести миф о «сильной личности» правителя в российской истории, и в том числе связанную с ним происходящую сегодня реанимацию политической фигуры Сталина).

В первом случае война – идеологий и мифологем – выглядит в культурном плане как противостояние рационального взгляда на мир и псевдорационального (сциентистского); идей, опирающихся на реальность, и идей-симулякров; а в социальном плане – как противостояние реальной экономики с акцентом на производство и виртуальной симулятивной финансовой экономики. Во втором случае война – традиционных мифов и современных мифологем – выглядит в культурном плане как противостояние образов реальности (связанных с историей генетически или суррогатно); сильных естественных эмоций и их искусственных заменителей; а в социальном плане как противостояние политики, опирающейся на реальную поддержку населения и политики, создающей иллюзию поддержки населения с помощью социальных технологий и медиа-средств (например, рейтингов).

Конечно, произвести четкую демаркацию между ориентированными на мифологемы, на идеологию или традиционные мифы обществами сегодня едва ли возможно, так как глобализация обеспечивает непрерывную конвергенцию социальных и культурных явлений. Когда боевики ИГИЛ на публику символически казнят назначенных врагами, создавая красочную видео-картинку и

стимулируя определенные ответные переживания, когда японские СМИ вспоминают о трагедии Хиросимы, всячески игнорируя один фрагмент – факт непосредственной вины нынешних американских «союзников», когда масс-медиа всех заинтересованных в текущей информационной войне государств освещают происходящие события, – во всех этих случаях рассказываются *истории*, имеющие отношение во многом не к тому, что и как было «на самом деле», а к «рассказчикам» и их реципиентам. Можно лишь обозначить ментальное *тяготение* разных сообществ к различному восприятию реальности. Также мифы, мифологемы и идеология могут выглядеть как разные грани или даже слои одной социальной реальности. Как отмечает А.Неклесса, культура постсовременности – вирусного характера и может сосуществовать во плоти прежних (допостмодерновых) социальных организмов [Неклесса, 2006]. Это еще более усложняет и хаотизирует действительность, обеспечивая перманентный латентный конфликт между централизованной иерархией идей (модерн) и гибкой сетевой культурой постмодерна, сдобренный к тому же одиозными апелляциями к истории и важным в истории мифам.

Об этом свидетельствует, например, ситуация в сегодняшней Западной Европе с ее значимыми культурными принципами (паттернами), связанными с сильными историческими мифами как аттракторами западноевропейской традиции, с одной стороны, и влиянием мифологем, созданных на базе фрагментированного мировосприятия самой Западной Европы: реальная история здесь вступает в противоречие с популярными ремейками и ремиксами истории. В социально-политическом плане это выливается в сегодняшний кризис Европейского союза, в противостояние глобалистов и антиглобалистов, сторонников реализации «национальных государственных интересов» и проводников объединенной политики Брюсселя. Заметим, что особенно остро это противостояние во влиятельных культурных центрах европейской цивилизации: Франции, Италии, Германии, Греции, Венгрии, Чехии. Причем чем дальше и масштабнее будут разворачиваться текущий мировой экономико-политический и цивилизационный кризисы, тем серьезнее будет проявляться кризис самой Европы и тем выигрышнее окажутся позиции традиционных европейских мифов, опирающихся на реальную историю: в острой фазе стол-

кновения с реальностью мифологемы обречены проиграть. Внедрение мифологем эффективно в условиях хотя бы иллюзии стабильности (прежде всего, экономической) – с целью консервации социальной и ментальной сингулярности, отличающей постмодерн; или в уже серьезно больном обществе – с целью дальнейшей дестабилизации. Ведь на саму мифологему опереться нельзя – как можно опереться на симулякр реальности? Впрочем, мифологема и не для этого служит; ее главная задача – воспроизводство сингулярности в сингулярном пространстве, так как нестабильными социальными субъектами проще и эффективнее манипулировать через создание нестабильных для них жизненных ситуаций.

Вывод

Имеющее место сегодня противостояние напоминает ситуацию кризиса античности, когда под ударами «варваров»-германцев рушилась Римская империя, а на ее обломках возникали средневековые государства (это отмечает, например, итальянский философ, историк-медиевист У.Эко [Эко, 1994, 258-267]). Удержалась от хаоса тогда восточная часть Римской империи – Византия, имея достаточный запас социальной прочности *за счет включения и ассимиляции незападных элементов*. Вне территории хаоса оказался и быстро набиравший силу тогда арабский мир, древние цивилизации Индии и Китая. Конечно, история никогда не повторяется буквально. Хотя бы потому, что сегодняшнее противостояние происходит в условиях экономической и, что особенно важно, информационной глобализации; поэтому имеет не столько социально-политический характер, сколько ментальный. Это не конфликт государств или этносов, даже не столько конфликт цивилизаций как определенных типов общества (условно «западного» и условно «восточного»). Это цивилизационный конфликт в плане противостояния различных матриц восприятия реальности, и прежде всего социальной реальности. Поэтому точки сингулярности в текущей информационной войне и во всем постмодерновом социальном пространстве – там, где соприкасаются разные духовные ситуации: преимущественно мифологемно ориентированные, мифологически или идеологически.

Библиография

1. Барт Р. Мифологии. Семиотика. Поэтика. М., 2000. 320 с.
2. Батай Ж. Внутренний опыт. СПб.: Аксиома, 1997. 336 с.
3. Бодрийяр Ж. Войны в Заливе не было // Художественный журнал. 1994. № 3. С. 33-36.
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Рипол-классик, 2015. URL: <http://exsistencia.livejournal.com>
5. Делёз Ж. Логика смысла. М.: Раритет, 1998. 480 с.
6. Делез Ж. Что такое философия? // Всемирная философия. XX век. Минск: Харвест, 2004. 810 с.
7. Казин А. (2013) Грядет ли новое средневековье? // Санкт-Петербургские ведомости. № 3. URL: http://old.spbvedomosti.ru/article.htm?id=10295320@SV_Articles
8. Нанси Ж.Л. Не производимое сообщество. Прерванный миф. М.: Водолей, 2009. 337 с.
9. Неклесса А. Трансформация будущего // Интелрос. 2012. 3-8 октября. URL: http://www.intelros.ru/subject/karta_bud/15958-transformaciya-buduschego.html
10. Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. № 4. С. 258-267.
11. Bauman Z. Liquid Modernity. Polity Press, 2000. 240 p.
12. Hollis J. Mythologemes: Incarnation of the Invisible World. Toronto: Inner City Book, 2004. 158 p.

Myths, mythologemes and ideology as instruments of social influence in the conditions of information warfare

Elena V. Pilyugina

PhD in Philosophy,

Director of the Territorial Center of the Russian New University,

105005, 22 Radio str., Moscow, Russian Federation;

e-mail: elenavpilyugina@yandex.ru

Abstract

The article explores a phenomenon of the pan-mythologizing of the reality in the contemporary postmodern society. The author compares cultural-historical myths of the traditional society, the ideology of the modern society and the neo-mythology of the postmodern society. In the context of the demarcation of traditional myths, ideologies and contemporary mythologemes are analyzed as the points of the instability of the modern world in terms of the social space, as a singular basis of the current information war. The authors emphasizes the conditions of mythologemes usage as a tool of pan-mythologization of the reality: the financially comfortable, mentally unstable social environment with the fragmented perception of the reality. Peculiar features of a mythologema as the artificial fragmented image of the reality are designated: these are selectively rationalizing unconscious experiences with the aim of confrontation to metanarratives (in the form of cultural-historical myths and consolidating ideologies), and, thereby, destabilization, reformatting and deconstruction of the society.

For citation

Pilyugina E.V. (2015) Mify, mifologemy i ideologiya kak instrumenty vliyaniya na sotsial'nyuyu deystvitel'nost' v usloviyakh informatsionnoi voyny [Myths, mythologemes and ideology as instruments of social influence in the conditions of information warfare]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6, pp. 166-182.

Keywords

Mythologema, myth, ideology, pan-mythologizing of the reality, neo-mythology of the postmodern, information warfare, deconstruction of the social reality.

References

1. Barthes R. (1957) *Mythologies*. Les Lettres nouvelles (Russ. ed.: Bart R. (2000) *Mifologii. Semiotika. Poetika*. Moscow).
2. Bataille G. (1943) *L'expérience intérieure*. Gallimard (Russ. ed.: Batai Zh. (1997) *Vnutrennii opyt*. Saint Petersburg: Aksioma Publ.).

3. Baudrillard J. (1981) *Simulacres et Simulation*. Éditions Galilée (Russ. ed.: Bodriiyar Zh. (2015) *Simulyakry i simulyatsiya*. Moscow: Ripol-klassik Publ.).
4. Baudrillard J. (1991) La Guerre du Golfe n'a pas eu lieu. *Libération* (Russ. ed.: Bodriiyar Zh. (1994) Voiny v Zalive ne bylo. *Khudozhestvennyi zhurnal* [Art magazine], 3, pp. 33-36).
5. Bauman Z. (2000) *Liquid Modernity*. Polity Press.
6. Deleuze G. (1969) *Logique du sens*. Les Éditions de Minuit (Russ. ed.: Delez Zh. (1998) *Logika smysla*. Moscow: Raritet Publ.).
7. Deleuze G. (2004) Chto takoe filosofiya? [What is Philosophy?] In: *Vsemirnaya filosofiya. XX vek* [World philosophy. The twentieth century]. Minsk: Kharvest Publ.
8. Eco U. (1994) Srednie veka uzhe nachalis' [The Middle Ages had already started]. *Inostrannaya literatura* [Foreign literature], 4, pp. 258-267.
9. Hollis J. (2004) *Mythologems: Incarnation of the Invisible World*. Toronto: Inner City Book.
10. Kazin A. (2013) Gryadet li novoe srednevekov'e? [Will there be new Middle Ages?] *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [St. Petersburg Gazette], 3. Available at: http://old.spbvedomosti.ru/article.htm?id=10295320@SV_Articles [Accessed 18/08/2015].
11. Nancy J.-L. (1986) *La Communauté désœuvrée*. Christian Bourgois éditeur (Russ. ed.: Nansi Zh.L. (2009) *Ne proizvodimoe soobshchestvo. Prervannyi mif*. Moscow: Vodolei Publ.).
12. Neklessa A. (2012) Transformatsiya budushchego [Transformation of the future]. *Intelros*. Available at: http://www.intelros.ru/subject/karta_bud/15958-transformaciya-buduschego.html [Accessed 23/05/2015].